

**Я любила его.
Люблю**

Полина Душина

Полина Душина Я любила его. Люблю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70364833

SelfPub; 2024

Аннотация

Я дала ему обещание жить дальше. И он ушёл. И я понятия не имею, как сдержать своё обещание и, главное – зачем.

Полина Душина

Я любила его. Люблю

Я поцеловала его в холодный лоб и отошла.

В ушах какой-то гул и мне казалось всё происходящее каким-то кошмарным сном. Всё ведь как и во сне – множество людей, которых я не знаю, и он, тот самый, от которого бабочки в животе порхали и с которым хотелось долго и счастливо. И он, тот самый, который сейчас лежит передо мной в гробу. И я только что прислонилась губами к его холодному лбу.

Отойти, но не отвести взгляд, не получается. Я всё жду, что он откроет свои потрясающие голубые глаза и улыбнётся так, что мир вокруг станет ярче.

Но он продолжает лежать мёртвой восковой куклой среди этих бессмысленных цветов.

Попыталась представить его реакцию на всё происходящее, чтобы оживить его образ в моей голове. Но сбоку раздался надломленный рёв. Его отец рухнул на колени перед гробом и завыл.

Я никогда не видела, чтобы кто-то так плакал. Я никогда не слышала, чтобы кто-то так рыдал. А впрочем, это был и первый раз, когда я видела, как родители хоронят своих детей.

Мы с ними так и не познакомились. Не успели.

Подойти сейчас?

«Здравствуйте. Меня зовут Мария. И я любила вашего сына»?

«Люблю».

Дыхание перехватило. Да. Я всё ещё люблю его. И пока даже не могу себе представить момент, что когда-то это чувство пройдёт.

Под этой маской лежит человек, которого я люблю. И я молюсь о том, чтобы найти в себе силы и заплакать. Найти в себе силы и закричать.

А пока я просто прислоняюсь к стене и не могу отвести взгляда от того холодного лица, что когда-то было живым.

Вибрация мобильного телефона выдернула меня из ада сладких воспоминаний, в который унесла меня моя память. Взгляд сфокусировался. Снова на его каменном лице.

Я как-то всхлипнула. Вышло хрипло. Когда молчишь три дня подряд, любой звук, наверное, будет хриплым. Когда ты похоронила в себе все несказанные до этого слова, и следом сразу же хоронишь всё то, что вроде и хочется, но как-то не сказать сейчас.

Хочется заорать так громко, как только смогу, сорвать голос к чертям, хочется забиться в истерике и зареветь, так, чтобы не видеть даже сквозь слёзы ни этих неуместных цветов, чёртового гроба, ни этих убитых горем людей, ни его – мёртвым. Но глаза предательски остаются сухими, и я сама

себе кажусь здесь неуместной – неизвестная, не плачущая и отстранённая.

Смотря на то, как они поддерживали друг друга, эти похлопывания по спине, эти объятия, эти слова утешения, я чувствовала себя действительно лишней. Пытаюсь зацепиться за это чувство, чтобы что-то вызвать в себе более яркое, чем там зияющая пустота, что разверзлась внутри и сушит горло.

И я очень хотела бы что-нибудь почувствовать, помимо этой пустыни, ведь прямо передо мной в гробу лежит человека, которого я любила. Люблю. А я стою возле стенки и уговариваю себя хотя бы немного заплакать.

Телефон завибрировал ещё раз, на сей раз вибрация не прекратилась, значит, кто-то решил со мной поговорить.

Может, и к лучшему.

Я выхожу из зала для прощаний. Стук моих каблучков неприлично громко раздавался в тишине рыданий и причитаний. Человек, спроектировавший это место, решивший создать такую акустику, положить такой кафель, по которому так размеренно сейчас стучат мои каблучки, хорошо знал своё дело, печаль в этих стенах умножается в разы, отражаясь от холодных белых стен и уходя под сводчатый потолок.

Вибрация телефона оборвалась ещё где-то на полпути к выходу, но я чувствовала, что уже не смогу остановиться, пока не выйду отсюда.

Прохлада помещения сменилась полуденной духотой. В городе лето и солнце. Передо мной широкая аллея, по бокам от которой ровный газон и аккуратные клумбы. Переход из холода в такие яркие цвета и само проявление жизни оказались слишком резким.

Надо же. И здесь я тоже ощущаю себя неуместной в этом чёрном платье, которое сразу же начало нагреваться на солнце и каблуках, которые не предназначены для прогулок по гравиию.

Попытаться сделать глубокий вдох и выдох. Попробовать ещё раз разреветься, ну или хотя бы повыть тихонечко.

Ничего.

Ну тогда хотя бы проверь телефон.

С работы.

Да, я обещала сегодня после обеда приехать в офис.

Да, я обещала ему, что я буду жить дальше.

А мы договаривались, что свои обещания держим.

Значит, нужно сделать шаг вперёд. И ещё. И ещё один. И уйти уже куда подальше из этого непонятного места, где я ощущаю себя так неправильно.

День закончился внезапно. Я просто в какой-то момент осознала, что стою перед дверьми квартиры, с ключами в руках, но не нахожу в себе сил вставить эти ключи в замок и зайти уже домой.

А утром я также стояла с другой стороны, и не могла найти в себе силы из неё выйти. Мне казалось, я рассыплюсь на осколки, как только ступлю за порог. Теперь я уверена, что развалюсь, как только сделаю шаг в квартиру.

Но ведь утром этого не случилось, да?

Может, и сейчас ничего не произойдёт?

Жаль, конечно. Сейчас мне кажется, это единственный вариант, который бы меня устроил – просто разбиться на миллионы осколков. Физически, чтобы у каждого из осколков моей души было и отдельное воплощение.

– Ты трубку не берёшь, – раздался позади меня запыхавшийся голос.

Я вздрогнула от неожиданности и выронила ключи. Звон и внезапно на глаза навернулись слёзы. Сесть на корточках (рухнуть) за ключами (от боли). И, наконец, заплакать. Поначалу просто набегут слёзы и будут легко скатываться по щекам, капая на это дурацкое чёрное платье и на пол, когда я потянусь за ключами. А потом уже навзрыд. Когда подруга поможет поднять ключи и откроет квартиру, помогая мне сделать этот несчастный шаг, отделяющий меня от внешнего мира, где я похоронила его, в мир внутренний, где он ещё был жив, но почему-то не был рядом.

Скинуть в сторону эти чёртовы каблуки, из-за которых я себе чуть не поломала ноги на той несчастной аллее, и пообещать себе выкинуть их при первой же возможности. И

начать стягивать с себя это грёбаное чёрное платье, весь день душившее меня своим цветом и причастностью к сегодняшнему утру, где я оставила в гробу своё сердце и часть своей души.

И это всё под всхлипывания и подвывания. Подруга молча помогла мне справиться с платьем и повела в ванну. Пока она регулировала воду в раковине, я забралась в ванну и села под лейкой, включив душ.

Шум воды и я завывала в голос. А следом и закричала. Я чувствовала, как спала какая-то пелена и я увидела в себе весь этот океан боли, что бурлил во мне тёмной массой, утягивая куда-то на дно, с которого, было ощущение, что ещё постучатся.

Подруга села на бортик ванны рядом со мной, и положила руку мне на плечо. И это будто позволило мне нырнуть в этот бушующий океан окончательно – ощущение тёплой руки на моём плече, ощущение, что я не одна.

Я не помню, сколько мы так просидели. Просто я как-то вздохнула, и вода над моей головой выключилась. Подруга закутала меня в большое полотенце и помогла мне выбраться. Я улыбнулась – так в детстве меня кутала мама после ванной. Почувствовать, как меня обнимают и куда-то ведут. На кухню. Там передо мной оказался чай. Нос пощекотал аромат тёплых трав, и взгляд сфокусировался на бутерброде.

– Поешь, пожалуйста, хотя бы так.

Он бы пожурил за то, что кусочничаю на ночь глядя. И тут же бы сделал себе такой же бутерброд.

Я смотрела на кусок хлеба с колбасой и сыром перед собой, не находя в себе сил и даже малейшего желания к нему притронуться.

– Маша, пожалуйста, хотя бы кусочек... – подруга поставила поближе ко мне тарелку с бутербродом и пододвинула чашку.

Моё внимание переключилось на лёгкий закручивающийся дым от чая.

В голове возник костёр, дым от которого поднимался в чистое звёздное небо.

– Аккуратнее, – его смеющийся голос был так близко.

Обернуться на него и наблюдать, как он длинной палкой вытаскивает из костра запечённую картошку.

– Держи, – спустя пару минут и весёлое перебрасывание картошки из ладони в ладонь, пока она остывает, он протягивает её мне.

Самая вкусная картошка. Дело в костре? В звёздном небе над головами или в человеке рядом?

Чай начал остывать, дымка уже не закручивалась, ровная гладь напитка в кружке отражала лампу над головой.

Капля слезы нарушила покой в чашке и в моей голове.

Оказывается, можно долго плакать.

Очень долго.

Кажется, часы перевалили за полночь и чай уже был холодным, когда я смогла ещё раз немного успокоиться, и даже откусить этот бутерброд, сделав пару глотков холодного напитка.

Затем попробовать умыться, в итоге вновь умыться слезами и оказаться уже в постели.

Холодной.

Где рядом стояли наши фотографии с того похода и с вечера, на котором мы и познакомились. Фотографии, где мы были рядом, а он был живым.

И теперь мне нужно как-то уснуть в этой постели, рядом с которой стоит столько вещей, что буквально кричат о нём.

Подруга была рядом, она поглаживала меня по голове, пока я засыпала.

Он приходил ко мне. Во сне. Не помню, говорил ли он что-то. Но помню, что я просила его не оставлять меня и вернуться ко мне, или забрать меня с собой, но не оставлять меня одну!

Но я проснулась.

В этой всё ещё холодной постели с мокрой от моих слёз подушкой.

Подруга спала на диване неподалёку.

Часы показывали раннее утро, а моё состояние показыва-

ло мне, что дальше пытаться уснуть бессмысленно.

В целом внутри мне всё подсказывало, что делать что-либо дальше бессмысленно.

Но я же обещала ему.

Умыться. Вначале снова слезами, затем уже водой. Не смотреть на своё отражение. Наверное, старая примета, по которой нужно завешивать зеркала после ухода близкого, во-все не про то, что покойник не увидит своего отражения, а про то, что живым тоже не хочется на себя смотреть.

Выйти на кухню.

Поймать надежду, что он там встретит меня, улыбающийся и готовящий яичницы нам на завтрак. Что я ему расскажу, что мне приснился кошмар, а он обнимет меня и поцелует в макушку, сказав, что это всего лишь сон и что он рядом и я от него так легко не избавлюсь.

Но на кухне пусто.

И чисто.

Пропали десяток кружек, скопившихся за эти дни возле раковины. Исчезла пыль и разбросанные салфетки.

Стало как-то тепло и почему-то грустно. Обо мне заботятся. И это не он.

Налить себе воды и сесть перед окном. Там крона дерева и гнездо, куда в ожидании потомства прилетели вороны. Мы любили наблюдать за ними по утрам в выходные дни. Что-

то было такое особенное, наблюдать из нашего гнезда за их гнездованием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.